

(“Вечный Свят, Свят, Свят”), воспринимаемая поэтом в голосе звезд, отражается в его душе состоянием тишины и молчания, что выражено в образе *молчащего* крыла: крыло есть символ полета, устремленности к горнему, и эта интенция души дана в тональности благоговейной тишины. Образ молчания станет у поэта одним из аспектов образа *звука*. Поэт слышит неслышимое и в душе человека – язык сердца и чувства: “...и нежности былой я слышу дуновенье...”.

Это восприятие рождает творческий порыв: “...и, содрогаясь, я пою”. В тишине ночной природы, в беззвучии раскрывающихся листов, невидимой ночной жизни, осязаема для слуха жизнь сердца: “И я слышу, как сердце цветет...”. Поэт предвкушает близкую встречу, уже переживает ее в опережении чувства: “Я слышу трепетные руки...”. Любовь сама есть особенное звучание, ее *звуки* пробуждаются в памяти: “Прежние звуки с былым обаянием Счастья и юной любви!..”. “Старая песня, *звучи* надо мной!” – так пишет поэт о возродившейся любви. Или же о блаженстве любви в другом стихотворении: “И мукой блаженства исполнены *звуки*, В которых сказаться так хочется счастьем”.

Взгляд, дарящий “страданье блаженства”, рождает в душе поэта *звуки*, сопрягающие муку и блаженство, и эти *звуки* связаны с особенным состоянием, когда душа пребывает вне земного – в горнем (“...этот миг, не земной, не случайный...”): “Стою я, овеянный жизнью иною, Я с речью нездешней, я с вестью из рая”.

Поэт несет в себе этот дар – оттолкнувшись от земного впечатления, пережить неземное, услышать особенные *звуки*, нездешнюю речь. *Звук* в подобных стихах не есть, конечно, только звук произносимых слов или звук исполняемой героиней песни. Так, в стихотворении, начинающемся призывом “О, не зови! Страстей твоих так звонок Родной язык...”, с переживанием любви сопряжено восприятие горнего: “Я знаю край, где все, что может сниться, Трепещет въявь”. Логика чувства и поэтической мысли здесь такова: край осуществления всех земных снов – горний мир, именно туда влечет любовь. Эти строки в кольце стихотворения повторяются, и за ними еще один повтор:

И не зови – но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу –
И за тобой!

Фетовские метафоры говорят о самом *звучании* чувства, которое узнается по первому *звуку* и рождает ответное чувство, и эти *звуки* сопряжены с переживанием мира горнего, куда возносит душу любовь. Это характерная черта любовной лирики Фета.

Земное бытие тоже может выражать себя в *звуке*: “Какая тишина! Из-за горы высокой Сюда и доступа мятежным *звукам* нет”.